

За рубежом. — 1998. — 6-12 марта (№ 9). — С. 11

«ШПИГЕЛЬ», ГАМБУРГ.

УТЯНУТАЯ талия, подчеркнутые округлости ниже спины, высоко поднятая корсетом пышная грудь — так во времена «бель эпок» выглядели «grandes horizontales», очаровательные любовницы бонвиванов провинциального городка По.

Совсем иной была худенькая тонкогубая мадемузель в строгом костюме, сшитом, по всей вероятности, собственноручно, которая стояла между двумя друзьями: один из них, Этьен Бальсан, состоятельный француз, любитель лошадей, содержал ее с девических лет; другой, Артур Кейпел, англичанин, владелец горнодобывающих предприятий, принимал ее всерьез как личность.

Его обаяние сыграло роль в

ЖИЗНЬ

дальнейшей судьбе их обоих. Всего через несколько дней решительная 27-летняя мадемузель ждала англичанина на вокзале По с непреклонностью, не терпящей возражений. В спальном вагоне поезда на Париж Кейпел приобрел новую любовницу. В свою очередь, дама нашла поручителя для получения банковского кредита, который позволил ей открыть салон в Париже. «Мне удалось создать свой дом моделей, — кокетничая, говорила много лет спустя Габриэль Бонэр Шанель, — лишь потому, что за мной бегали двое мужчин».

Шанель, появившаяся на свет в 1883 году в приюте для бедных как незаконнорожденная, научилась искусно использовать мужчин для успешной карьеры. Коко была не только верховной жрицей моды, но и безжалостной деловой женщиной. Она не знала пощады, подчиняя себе мужчин, плела интриги вплоть до уничтожения противника, отважившегося встать на ее пути, и в то же время проявляла чудеса сочувствия и великодушия — например, по отношению к бывшим отвергнутым возлюбленным, которым она оказывала материальную поддержку вплоть до их смерти.

Когда 12-летнюю Габриэль, помагавшую до той поры матери продавать на улице вино и мелкую галантерею, поместили в сиротский приют при монастыре, она выглядела как настоящая беспризорница. Монахини уже отужинали и поэтому предложили ребенку

пару наскоро сваренных яиц. Но девочка, хотя и падала с голоду, сморщила носик: «Вот дерьмо, терпеть не могу яиц!»

В 19-летнем возрасте она занималась торговлей женскими корсетами и подвязками для чулок в городке Мулен, где размещался военный гарнизон. Вечерами, когда лейтенанты в красных мундирах кавалькадой возвращались в гарнизон, Габриэль частенько поджидала их у ограды. Но напрасно: ее худоба не пользовалась спросом, кавалеристам больше нравились толстушки.

Но она не отступала. Ее тянуло туда, где в то время, на пороге XX века, надежды заменяли девушкам приданое: в «Ротонду», как назывался муленский кафе-штантан. Там юная Шанель тоненьким голоском пела песенку о потерявшейся собачке: «Не видели ли вы Коко?» С тех пор публика стала называть ее «малышка Коко».

Перемена в ее судьбе наступила благодаря Этьену Бальсану. Его очаровала шансонетка, которая не лезла за словом в карман; ее привлекли его деньги, а главное — его замок Руайо. Этьен стал первым мужчиной в жизни Коко, и вскоре высшее общество провинциального городка взорвалось пересудами о не очень гладко прошедшем аборте.

Этьен научил ее есть дыню в рислинге, подавать руку для поцелуя и вести себя в обществе, жившем интригами. Благодаря Этьену Габриэль познакомилась с Артуром Кейпелом, который в отличие от своего друга не проматывал, а накапливал состояние. «Черт побери, — говорил он ей во время прогулок верхом, — что-то в тебе есть такое, что необходимо для деловой женщины...»

Это «что-то» в ней действительно было. Когда началась первая мировая война, все салоны мод закрылись — кроме того, который Коко создала в Париже. Она тюками скупала хлопчатобумажное джерси и создавала из него модели, которым было суждено позднее произвести революцию в мире моды: простые платья с прямыми строгими линиями безо всяких рюшек и неизменных по тем временам корсетов. Именно тогда она изобрела костюм спортивного стиля и свое знаменитое черное маленькое платье, платье на бретельках и так называемый силуэт «А». Внедренную ею моду утонченной простоты Пикассо называл «бедностью роскоши».

После войны Коко Шанель добилась всего чего хотела. Она сня-

Как малышка Коко стала королевой моды

ла дом номер 25 по улице Камбон, с течением времени к нему прибавились номера от 27-го до 31-го. Теперь она ездила на синем «Роллс-Ройсе», публично курила сигареты, преимущественно черные «Голуаз», и делала своими рабами мужчин — представителей

Законодательница моды.

богемы. Драматургу Жану Кокто она оплачивала курсы лечения от наркомании, балетному постановщику Сергею Дягилеву дарила деньги, а композитор Игорь Стравинский выгуливал ее собаку.

Наряду с ними был еще некий художник Поль Ириб, у которого отказало сердце на теннисном корте за ее виллой, поэт Пьер Реве́ри, сбежавший от нее в монастырь, и время от времени все тот же неутомимый Артур Кейпел, который в итоге положил всему ко-

нец, врезавшись на своей машине в скалу. «Она — красивая женщина, не знающая пощады», — элегически сокрушался режиссер Лукино Висконти.

Для спектакля по пьесе Кокто, который, как и многие мужчины, был без ума от Шанель, она предоставила целую коллекцию купальных костюмов. Вскоре после этого с ней захотел познакомиться один из богатейших людей Англии,

явился нацистский флаг со свастикой. В каминном салоне, коротая время за тарелочкой пюре из свежих каштанов и наперстком водки, миллионерша из мира моды познакомилась с бесподобно красивым белокурым мужчиной, очень понравившимся ей. Коко улыбнулась ему, а он сказал: «Зовите меня воровышкой». Ганс Гюнтер фон Динклаг, с 1928 года находившийся на дипломатической службе в Париже, был откомандирован в распоряжение оберштурмбаннфюрера СС Вальтера Шелленберга, который поручил ему курировать французскую текстильную промышленность.

Они с Коко стали любовниками. В конце 1943 года им пришла странная идея встретиться с Уинстоном Черчиллем в британском посольстве в Мадриде, чтобы сообщить о готовности армейского командования провести секретные переговоры с западными союзниками, если надо, то и без Гитлера. С немецким паспортом Коко выехала в Испанию, но тщательно спланированная операция «Модельная шляпка» провалилась, поскольку до сведения Черчилля так никто и не довел, что шикарная модельерша собиралась спасти его страну.

Во время войны дом моделей Шанель был закрыт, а послевоенным возрождением она оказалась обязанной дурному вкусу молодой баронессы Мари-Элен Ротшильд, которая в 1953 году решила продемонстрировать Коко свое новое бальное платье. «Боже, какой ужас!» — простонала Шанель, сорвала с окна гардину из темно-красной парчи и тут же симпровизировала из этого куска материи новый наряд. На балу баронесса снова и снова спрашивали, откуда у нее такой роскошный туалет.

И уже 5 февраля 1954 года Коко Шанель снова показывала свою коллекцию. Критики были разочарованы, поскольку она не сделала ничего революционного: сохранился ее знаменитый простой и элегантный силуэт. Но женщины пришли в восторг.

В старости Коко становилась все более одинокой, и дело дошло до того, что ей пришлось нанять специального человека, чтобы он охранял ее сон. Последний, кто получал деньги за такую необычную работу, 10 января 1971 года ке-марил на своем стуле возле ее постели, когда вдруг услышал слова засыпающей Коко: «Видите, вот так бывает, когда умирает человек».

Коко Шанель с герцогом Вестминстерским (1925 г.).

герцог Вестминстерский, — и познакомился: во время совместного средиземноморского круиза подаренное им умопомрачительно дорогое кольцо она в приступе гнева просто швырнула за борт. Но герцог, который по утрам пил зеленый шартрез и заставлял слугу гладить ему шнурки, был одним из немногих мужчин, которых Коко действительно любила.

Когда герцог пожелал иметь наследника, 41-летняя возлюбленная усердно разучивала позы, рекомендованные ей одной опытной акушеркой для зачатия «навверняка». Но несмотря на унижительную гимнастику, как Коко называла их совместные усилия, желанная беременность не наступила. Через несколько лет бесплодных надежд герцог вернулся в Англию и там женился на молодой.

Коко переехала в отель «Ритц», над которым в скором времени по-